

**КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

**CONCEPT OF LEGAL PERSONALITY AND INTELLECTUAL PROPERTY
IN THE RUSSIAN LEGAL SCIENCE: A CRITICAL ANALYSIS**

Медведев Александр Игоревич,

*аспирант юридического факультета
Санкт–Петербургского государственного
университета*

laarhaaga@gmail.com

Ключевые слова:

искусственный интеллект, робототехника, правосубъектность, субъект права, теория права.

Возрастающая роль искусственного интеллекта в современном мире обусловила необходимость находить правовые решения, позволяющие дать юридический фундамент стремительно развивающимся технологиям машинного обучения и их использованию в повседневной жизни. Одним из возможных путей развития правового положения искусственного интеллекта стало придание отдельным искусственным интеллектуальным системам статуса субъекта права. Идея правосубъектности искусственного интеллекта не только нашла сторонников за рубежом, но и получила развитие в работах российских правоведов. Автором проанализированы основные подходы к правосубъектности искусственного интеллекта, сложившиеся в российской юридической науке, и дана оценка перспектив реализации этой концепции в законодательстве Российской Федерации. В статье обосновывается, что дискуссия о правосубъектности искусственного интеллекта имеет важное теоретическое и практическое значение. Дается критическая оценка как отдельным аргументам в пользу того или иного пути наделения искусственного интеллекта некоторыми чертами субъекта права, так и общим концептуальным направлениям.

Делается вывод о том, что наделение искусственного интеллекта правосубъектностью является маловероятным в ближайшей обозримой перспективе. Ни один из существующих подходов не дает достаточно надежных оснований для эффективной реализации подобной инициативы. При этом отмечается, что в российской научной среде по-прежнему сохраняется интерес к дискуссии о возможности наделения искусственного интеллекта определенными чертами субъекта права.

Keywords:

artificial intelligence, robotics, legal personality, subject of law, theory of law.

The growing role of the artificial intelligence (AI) in the modern world has determined the necessity of finding legal solutions allowing for a legal foundation for the rapidly developing technologies of machine learning and its use in everyday life. Giving individual artificial intelligence systems the status of the subject of law has become one of potential methods of developing the legal status of artificial intelligence. The idea of AI legal personality not only has found its followers abroad but also has been developed in workings of Russian legal scientists.

Main goals of the research are the analysis of the main approaches to the legal personality of the artificial intelligence that have been established in the Russian legal science and the evaluation of the perspectives of the realization of this concept in the legal system of Russian Federation. The article substantiates the theoretical and practical importance of the discussion on the legal personality of the artificial intelligence. Critical evaluation of individual arguments in favor of one or another method of giving AI separate traits of the subject of law as well as general conceptual trends is presented.

The research results in the conclusion that it is unlikely for the artificial intelligence to receive legal personality in the nearest perceptible future. None of the existing approaches provides enough trustworthy basis for efficient realization of such initiative. The research also points out that the interest to the discussion about the possibility of giving artificial intelligence certain traits of the subject of law persists in the Russian scientific environment.

На сегодняшний день применение искусственного интеллекта (далее – ИИ) приобрело необычайную широту. Искусственный интеллект используется в промышленных масштабах в области телекоммуника-

ций, транспортной индустрии, высокотехнологических медицинских услуг и других сферах, и его значимость лишь возрастает [14]. Все большее значение приобретает и пользовательский ИИ. Неудивительно, что постепенное усиление роли искусственного интеллекта в жизни современного общества привлекает все больше внимания к гипотезе о возможности (или целесообразности) наделения роботов и ИИ правами и обязанностями подобно тому, как ими обладают иные субъекты права.

Идея признания правосубъектности искусственного интеллекта подписывается прецедентами наделения статусом субъекта права весьма экзотических объектов. Так, С.В. Никитенко приводит в качестве примеров признание реки в Новой Зеландии юридическим лицом и признание дельфинов в Индии особым «нечеловеческим лицом» [13]. В 2017 г. через средства массовой информации по всему миру распространилась новость, в которой утверждается, что в Саудовской Аравии робота по имени София торжественно наделили гражданством. Этот случай, вызвавший большой шум не только в прессе, но и в экспертном сообществе, является исключением и представляет собой скорее политический жест, нежели акт правовой реформы. К тому же детали произошедшего остались без освещения, поэтому остается лишь гадать о том, были ли у этого события сколько-либо значимые правовые последствия. Последовала и острая критика такого решения. Так, А.В. Степанова замечает, что подобная акция выглядела не лучшим образом на фоне непредоставления гражданства миллионам трудовых мигрантов, проживающих в Саудовской Аравии. Кроме того, законодательством этой страны для женщин предусмотрена обязанность носить хиджаб, которую София, будучи роботом-женщиной, не соблюдала [18]. Получается, что робот был поставлен в лучшее правовое положение, чем значительная часть фактического населения страны. В таком контексте стала очевидной необходимость изучения правовых аспектов функционирования искусственного интеллекта и в особенности возможных подходов к решению вопроса о наделении его статусом субъекта права.

В данной статье мы рассмотрим основные подходы к созданию юридической основы для разрешения проблемы правосубъектности искусственного интеллекта, сформировавшиеся в российской юридической науке, а также ряд проблем, возникающих при попытке урегулировать правовой статус ИИ по аналогии с уже существующими субъектами и объектами права. Наконец, мы постараемся оценить перспективы концепции правосубъектности роботов и искусственного интеллекта на ближайшие годы.

Дискуссия о том, возможно ли признание за искусственным интеллектом статуса субъекта права, имеет глубокие теоретико-правовые корни. Субъект права – одно из фундаментальных понятий теории и философии права, составляющих основу терминологического аппарата всей юридической науки.

В общем смысле под субъектом права понимается субъект социальных и правовых коммуникаций [15]. Его отличает способность воспринимать, осознавать, создавать и воспроизводить тексты правовой реальности общественной жизни. Традиционно в юридической доктрине считается, что единственным существом, обладающим такой способностью, является человек. Но может ли обладать ею искусственный интеллект? С позиции философии права ответ на этот вопрос крайне неоднозначен.

Некоторые исследователи, обращаясь в поисках такого ответа к учению Г. Кельзена, отмечают, что он не признает за субъектом права статуса некоей естественной сущности. Субъект права – это юридическая конструкция, существующая для описания юридически значимых фактических составов [13]. Если следовать этой логике, становится очевидной недопустимость отождествления человека и субъекта права. Каждый человек обладает правосубъектностью и является носителем субъективных прав и правовых обязанностей, однако из этого не следует, что лишь человеку могут быть присущи подобные качества.

О.А. Ястребов, развивая концепцию электронного лица, обосновывает возможность применения этой конструкции к роботам и искусственному интеллекту. Исследователь отмечает, что «электронное лицо, рассматриваемое как субъект права, является, по существу, комплексом юридических обязанностей и прав, причем содержанием этих обязанностей и прав являются действия искусственного интеллекта» [23]. Таким образом, учение Г. Кельзена дает прочный теоретический фундамент для построения концепции электронного лица как носителя субъективных прав и правовых обязанностей без необходимости перестраивать традиционную конструкцию субъекта права.

Однако существуют и другие теоретико-правовые подходы к пониманию субъекта права, в том числе к вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта. Так, В.В. Архипов и В.Б. Наумов выделяют три основания правосубъектности: наличие интеллекта, способность испытывать эмоции и возможность осуществлять автономные действия [2]. Без любого из этих компонентов потенциальный субъект не сможет совершать волевые акты, в том числе юридические значимые действия. Наличие некоего подобия интеллекта и способность функционировать автономно являются практически имманентными свойствами современного робототехнического устройства. Что же касается эмоций, то не существует никаких гарантий, что даже гипотетически сильный искусственный интеллект будет способен переживать эмоциональные состояния. Тем не менее именно способность к эмоциональному восприятию мира формирует субъективное мышление и субъектность вообще. Авторы подкрепляют гипотезу теорией права Л.И. Петражицкого, согласно которой право формируется на основе императивно-атрибутивных эмоций. Такие эмоции являются переживанием человеком взаимообусловленных и взаимоопре-

деленных прав и обязанностей [2]. Учитывая неспособность искусственного интеллекта переживать эмоции (во всяком случае на нынешнем этапе развития), вопрос о возможности признания за искусственным интеллектом статуса субъекта права в настоящий момент никак не может быть разрешен положительно.

Приведенные примеры наглядно показывают, что исход теоретико-правовых дискуссий о правосубъектности роботов и искусственного интеллекта в значительной степени зависит от общей теоретико-правовой парадигмы, в которой ведутся соответствующие рассуждения. На наш взгляд, это нисколько не умаляет их значимости. Благодаря искусственному интеллекту проблематика традиционных правовых категорий, таких как правосубъектность, приобрела новую грань, которая может послужить основой для нового витка развития теоретико-правовой мысли. Более того, проблема отсутствия эмоций является далеко не единственным препятствием на пути искусственного интеллекта к признанию за ним статуса субъекта права.

Вопрос об «интеллектуальности» искусственного интеллекта также остается открытым. С одной стороны, не поддается сомнению тот факт, что современные искусственные интеллектуальные системы способны решать сложные логические и математические задачи, однако можно ли назвать их деятельность по решению таких задач мышлением в том же смысле, в котором мы применяем его к умственным операциям, совершаемым человеком?

Самым известным «тестом на интеллектуальность» робота является тест, разработанный А. Тьюрингом (британский математик, криптограф, считающийся отцом современной теории искусственного интеллекта). Этот тест позволяет сравнить человека с машиной на предмет способности свободно участвовать в интересующей коммуникации. Основная задача робота, проходящего тест Тьюринга, – «обмануть» испытуемого так, чтобы тот не смог отличить его от настоящего человека. При этом испытуемый не видит своего «собеседника» и должен принимать решение на основании одного лишь содержания диалога с последним. Робот, прошедший такой тест, в общении ничем не отличается от человека. И перспектива создания таких роботов не так далека, некоторые современные программы, имитирующие человеческую коммуникацию, уже способны ввести в заблуждение если не большинство, то заметную часть испытуемых. Так, еще в 2014 г. программа, представленная В. Веселовым и Е. Демченко на мероприятии, организованном британским Университетом Рединга, смогла убедить треть жюри, что она – человек, тем самым преодолев минимальный порог прохождения теста, составляющий 30% от общего числа испытуемых¹. Но достаточно ли одного формального сходства, чтобы при-

1 Компьютер впервые в истории прошел тест Тьюринга // Российская газета. 2014. URL: <https://rg.ru/2014/06/09/intellekt-site.html> (дата обращения: 31.01.2022).

знать искусственный интеллект полноценным субъектом коммуникации (в том числе правовой)?

В современном научном сообществе хорошо известен умственный эксперимент, предложенный американским философом Дж. Серлом еще в 1980 г. [11]. Дж. Серл предлагал провести аналогию между роботом и человеком, запертым в комнате наедине с инструкцией, в которой сообщается, как отвечать на любые вопросы на китайском языке. При этом инструкция не содержит перевода с китайского языка, она лишь подсказывает, какие иероглифы и в каком порядке нужно воспроизвести, получив тот или иной вопрос. Человек, вооруженный такой инструкцией, сможет письменно ответить на множество вопросов на китайском языке, создавая у собеседника иллюзию, словно он отлично владеет китайским. Однако автор ответов не понимает не только сути задаваемых ему вопросов, но даже и содержания собственных ответов: он лишь механически воспроизводит иероглифы по инструкции, сопоставляя вопросы с ответами по внешнему виду иероглифов без малейшего понимания последних. Дж. Серл утверждает, что искусственный интеллект участвует в коммуникации с людьми подобно человеку, пользующемуся описанной инструкцией. Робот обучается «выдавать» в ответ на определенные фразы определенные ответы, но нет никаких оснований думать, что он действительно понимает суть диалога. Проще говоря, искусственный интеллект можно научить идеально симулировать диалог, но не общаться по-настоящему. Описанному эксперименту Дж. Серла уже больше 40 лет, однако он не теряет актуальность в наши дни и приводится в качестве классического аргумента против валидности теста Тьюринга и гипотезы об «интеллектуальности» искусственного интеллекта в целом [7].

Скепсис автора «китайской комнаты» разделяют и другие западные исследователи. Например, Х. Дрейфус, рассуждая о пределах познавательных способностей искусственного интеллекта, пришел к выводу, что мышление человека и машины различается на фундаментальном уровне. Чтобы симулировать человеческое сознание и его мыслительные процессы, искусственному интеллекту потребуется применить невероятно сложные технологии обработки информации. По мнению Х. Дрейфуса, при таком положении вещей разумнее всего будет отталкиваться от предположения, что искусственный интеллект никогда не сможет достичь этой цели [25].

Учитывая ограниченные когнитивные способности искусственного интеллекта, нетрудно усомниться и в том, способен ли ИИ быть полноценным субъектом права. Другой западный исследователь Дж. Дэвис, анализируя различия в восприятии мира человеком и машиной, указывает, что человеческое мышление предполагает наличие специфического взгляда от первого лица, особой перспективы, которой лишен искусственный интеллект. В отсутствие

такой перспективы невозможно вынесение моральных суждений, а это, заключает Дж. Дэвис, ведет к неспособности машины постичь все грани человеческой правовой системы [24].

Несмотря на то, что зарубежные исследователи находят целый ряд препятствий для полноценного (или вообще сколько-либо существенного) участия искусственного интеллекта в правовой жизни общества в статусе субъекта права, поиски путей для реализации этой идеи продолжаются в отечественной литературе. Рассмотрим основные подходы, которые предлагаются российскими исследователями для решения проблемы правового положения ИИ.

Несмотря на отсутствие сформированной теоретико-правовой базы, способной лечь в основу правосубъектности искусственного интеллекта, многие исследователи стремятся найти решение при помощи уже существующих институтов права. Пожалуй, наибольший простор для свободного участия искусственного интеллекта в правовой жизни общества способен принести статус, приравненный к статусу физического лица. Однако возможность уподобления робота человеку и тем более уравнивания их в правах вызывает резкую критику в отечественной литературе.

Прежде всего отмечается, что подобная мера повлечет за собой непрогнозируемые социальные и правовые последствия. Несмотря на то, что некоторые исследователи оптимистично оценивают возможности роботов в будущем разумно и мирно сосуществовать с человеком, в ближайшей перспективе говорить о подобном равенстве явно не приходится [21]. Кроме того, представляется очевидным, что провозглашение равенства робота человеку (пусть даже сугубо формально-юридического) поставит под вопрос базовые гуманитарные ценности, на которых строится правовая система большинства современных прав мира. Верховенство прав и свобод человека и гражданина будет поставлено под сомнение, если им окажутся противопоставлены права и свободы искусственных интеллектуальных систем.

Такая угроза предопределяет необходимость рассмотрения конституционно-правовой проблематики правосубъектности искусственного интеллекта. Исследователь А.В. Нечкин отмечает, что в Конституции РФ наряду с понятием «человек» используются понятия «гражданин», «лицо» и «личность», при этом последнее не имеет легальной дефиниции ни в тексте самой Конституции РФ, ни в российском законодательстве вообще. Рассматривая конституционно-правовой статус личности, ученый приходит к выводу о том, что правосубъектность является одной из основных составляющих этого статуса. При этом А.В. Нечкин полагает, понятие «личность» позволяет трактовать его расширительно и с успехом применять к любому носителю высокоразвитого интеллекта, в том числе искусственного. Следовательно, правосубъектность искусственного интеллекта возможна как производная от правосубъектности физических

лиц. Однако в силу ряда фундаментальных различий между роботом и человеком, а также необходимости сохранения верховенства прав человека, правовой статус искусственного интеллекта не должен быть полностью уподоблен правовому статусу человека. По мнению исследователя, искусственный интеллект должен быть ограничен в своих правах, в частности, ему должно быть отказано в социальных и экономических правах [12].

Представляется, что предложенный А.В. Нечкиным вариант конституционно-правового урегулирования правового статуса искусственного интеллекта заслуживает внимания. При этом любопытно, что такое соотношение правового статуса человека и робота сильно напоминает хорошо известную историю права институт «неграждан», существовавший еще в правовом укладе древнегреческих полисов. Так, в Афинах V-IV вв. до н. э. население делилось на три слоя: граждане – лица, пользующиеся всем комплексом прав; метэки – лица, не являющиеся гражданами и не обладающие политическими правами, но в остальном способные принимать полноценное участие в правоотношениях; рабы – люди, лишенные свободы и пребывающие в статусе объектов права [9]. В некотором смысле А.В. Нечкин предлагает наделить искусственный интеллект правовым статусом, имеющим заметное сходство с правовым статусом древнегреческих метэков. Таким образом, можно констатировать, что ограниченная «негражданская» правосубъектность, ныне предлагаемая как вариант разрешения проблемы правового статуса роботов, уже имеет прецедент в человеческой истории.

В отечественной литературе существуют и другие подходы к ограниченной правосубъектности для искусственного интеллекта. С.С. Горохова, придерживаясь концепции частичной правоспособности ИИ, предлагает введение специальной категории «правообязанностей», содержащих в себе одновременно правомочие и обязанность [6]. Искусственная интеллектуальная система, по замыслу автора концепции, должна обладать комплексом правообязанностей, которые непосредственно связаны с ее функционалом (например, беспилотный автомобиль «может и должен» следовать в точку назначения оптимальным маршрутом, взимать в отдельных случаях плату за его использование и т.д.). Этот подход также представляется интересным, хотя и требует дальнейшей проработки, так как остается не вполне ясным, как конструкция правообязанностей, полностью предопределяющих юридически значимые действия искусственного интеллекта, согласуется со свободой воли и свободой выбора правового поведения, традиционно являющихся неотъемлемой чертой каждого носителя правосубъектности.

Еще одним направлением дискуссии о правовом статусе искусственного интеллекта является вопрос о сходстве между роботами и животными. Наиболее очевидным свойством, присущим и робототехническим устройствам, и жи-

вым организмам, является способность осуществлять автономные действия [22]. Кроме того, и животные, и роботы в некотором смысле обладают интеллектом, который значительно более ограничен, чем у человека, однако позволяет им принимать решения и совершать определенные самостоятельные действия для совершения необходимых задач. У животных такие задачи определяются их потребностями, а у роботов – заложенными в них алгоритмами.

Столь же очевидны и различия между животным и искусственным интеллектом. Прежде всего, это касается их физической природы. Ключевой разницей между роботом и живым существом является даже не то, что первый создан из синтетических материалов, а второй – из живой органической материи, а то обстоятельство, что искусственная интеллектуальная система, в отличие от робота, может вообще не иметь физической оболочки и представлять собой комплекс программных решений, существующих в виде одной или нескольких взаимосвязанных компьютерных программ. При этом такие программы могут быть распределены между несколькими компьютерами (например, находиться в облачном хранилище и осуществлять свою деятельность прямо из облачной цифровой среды). При таких обстоятельствах становится трудно определить конкретное местоположение искусственного интеллекта, в некотором смысле его может и не быть вовсе. Правовой статус животного не позволяет разрешить эту проблему, хотя порой она может иметь критическое значение, например для определения подсудности правового спора с участием ИИ, а также для решения вопроса о применимом праве.

Кроме того, важнейшим отличием между животным и искусственным интеллектом является отсутствие у последнего эмоций. Известно, что наиболее развитые живые организмы (например, млекопитающие), в класс которых входит большинство распространенных домашних животных, способны переживать эмоции. Такая позиция является общепринятой в современной науке [3]. Между тем можно уверенно утверждать, что искусственный интеллект на текущий момент такой способностью не обладает. Более того, нет никаких гарантий, что ИИ обретет такую способность в будущем. Способность испытывать эмоции является волеобразующей для живых организмов, иными словами, именно переживание эмоций и ощущение собственных потребностей создает мотивацию на совершение тех или иных действий как у животных, так и у людей.

Искусственный интеллект осуществляет свою деятельность согласно заложенному в него алгоритму. Можно ли говорить о наличии способности совершать волевые действия у сущности, поведение которой полностью подчинено заранее известной программе? Как уже отмечалось ранее, отсутствие у роботов эмоций позволяет некоторым исследователям сделать вывод о том, что искусственный интеллект не может иметь статус субъекта права, так как

эмоциональное основание правосубъектности не менее важно, чем интеллектуальное [2]. Формирование воли признается в равной степени невозможным как без использования интеллекта, так и без переживания эмоций. Данная позиция представляется убедительной, если рассматривать способность испытывать эмоции как необходимую предпосылку способности ощущать потребности. Именно потребности формируют субъективный интерес, являющийся основополагающим фактором выбора правового поведения и определяющий возможность вообще вступать в какие-либо правоотношения.

В связи с этим крайне любопытен вопрос о том, возможно ли формирование интереса в отсутствие каких-либо потребностей и эмоций. Если допустить довольно смелую аналогию между поведенческими паттернами животных и алгоритмами робототехнических устройств, можно прийти к гипотезе о том, что поведение животного в некотором смысле есть комплекс алгоритмов, направленных на выживание и продолжение рода. Можно ли при таком допущении признать реализацию заложенного алгоритма специфическим «интересом» искусственного интеллектуального устройства? Оставим ответ на этот вопрос за рамками нашей статьи, но отметим его как возможное направление будущей научной дискуссии.

На текущий момент, несмотря на немногочисленные прецеденты в отдельных зарубежных правовых системах, животные признаются существами, не обладающими статусом субъекта права. За ними прочно закреплено положение объекта права, «живые» качества которого наделяют его особыми юридически значимыми свойствами, но не меняют его статуса в целом. Е.Н. Абрамова и Е.В. Старикова приводят в качестве примера, подтверждающего отсутствие правоспособности у животных, юридический казус из США, в котором возник спор относительно наличия авторских прав у обезьяны, сделавшей снимок самой себя при помощи фотоаппарата [1]. Апелляционный суд США заключил, что животное не может выступать носителем правоспособности и отказал обезьяне (а точнее, обратившимся в суд в ее «интересах» зоозащитникам) в защите ее авторских прав, тем самым поставив точку в нынешнем витке дискуссий по поводу признания за животными отдельных прав.

Представляется уместным сделать ремарку, что зоозащитники, отстаивавшие признание авторских прав за обезьяной, действовали скорее исходя из собственных ценностей и интересов. Подобным образом, на наш взгляд, обосновывается интерес в принятии нормативных правовых актов, направленных на недопущение жестокого обращения с животными. Если рассуждать формально-юридически, такие акты преследуют легитимные интересы не самих животных, а людей, сочувствующих страданиям этих животных. Следуя точно такой же логике, можно сделать вывод, что пока за искусственным интеллектом не признается статус полноценного субъекта права, любые меры, на-

правленные на улучшение его правового статуса, также будут приниматься не в интересах самих роботов, а в интересах людей, чьи интересы затронуты эксплуатацией робототехнических устройств. Таким образом, если продолжать аналогию между искусственным интеллектом и животными, можно заключить, что ни тем, ни другим не требуется статус субъектов права для придания им особого правового режима и усиления их правовой защиты.

Пожалуй, самым популярным путем наделения искусственного интеллекта статусом субъекта права является присвоение ему некоторых правовых характеристик юридических лиц. Общепринятое закрепление целого комплекса прав за юридической конструкцией, не являющейся физическим лицом, само по себе наталкивает на мысль о возможности признания тех или иных прав за искусственным интеллектом [16]. В.А. Лаптев, анализируя существующие подходы к пониманию концепции юридических лиц, указывает, что юридические лица изначально представляют собой не что иное, как правовую фикцию [10]. Отсюда закономерно возникает вопрос: если юридические лица были созданы как правовой конструкт для удобства функционирования правовой системы, нельзя ли применить тот же подход к искусственному интеллекту?

В самом деле, правовой статус, аналогичный статусу юридического лица, обладает рядом бесспорных преимуществ. Во-первых, такой подход подразумевает использование по аналогии уже существующего правового института вместо разработки совершенно нового, что значительно упрощает его понимание и делает его более доступным. Во-вторых, объем требуемых законодательных реформ с высокой вероятностью будет намного меньше, если вместо создания совершенно новой нормативной базы законодатель ограничится распространением уже существующих норм, применяемых к тем или иным юридическим лицам, на юниты искусственного интеллекта. Наконец, категория правовой фикции хорошо известна юридической науке, и обращение к ней в целях обоснования правосубъектности искусственного интеллекта позволяет довольно органично встроить ИИ как носителя субъективных прав и правовых обязанностей в уже сложившуюся парадигму теории права без необходимости фундаментального переосмысления концепции правосубъектности в целом.

Однако такой путь также содержит в себе ряд серьезных недостатков. Прежде всего, исследователями справедливо указывается, что применение к искусственному интеллекту статуса юридического лица потребует создания соответствующего государственного реестра [2] (например, единого реестра «электронных лиц», «цифровых агентов» либо просто «робототехнических устройств»). Создание и поддержание такого реестра требует внушительных административных затрат со стороны государства, а также несет в себе дополнительные бюрократические издержки для граждан и юридических лиц. Кроме того, введение института обязательной регистрации, необходимого для

функционирования роботов в статусе, схожем с юридическим лицом, требует разрешения вопроса о надлежащей процедуре регистрации, а также о том, на ком лежит бремя такой регистрации. Иными словами, кто является учредителем электронного юридического лица, носителем статуса которого является искусственный интеллект, кто понесет бремя его надлежащего юридического оформления?

Существенным отличием робота от юридического лица является наличие у первого физической оболочки. Если юридическое лицо представляет собой умозрительный конструкт, имеющий воплощение лишь в юридической сфере жизни общества, то искусственное интеллектуальное устройство может быть наделено конкретным физическим телом. И точно так же, как возможное отсутствие тела отдаляет искусственный интеллект от животных, так и возможное наличие тела отдаляет его от юридических лиц. Так, робота можно похитить, взломать или физически уничтожить, в то время как любые манипуляции с юридическим лицом можно проводить лишь в юридической плоскости. В этом отношении робот больше похож на другое, уже хорошо известное праву устройство – автомобиль. В таком контексте приобретают особое значение дискуссии по поводу рассмотрения робота как источника повышенной опасности. Некоторые исследователи приходят к выводу, что любой интеллектуальной робот относится к таким источникам [10].

Чрезвычайно важным представляется то обстоятельство, что юридическое лицо в своих поступках всегда связано волей человека. За каждым юридически значимым действием, совершаемым от имени юридического лица, стоят конкретные целенаправленные действия конкретных уполномоченных на них людей. Искусственный интеллект, напротив, хоть и получает задачи непосредственно от человека, в процессе исполнения этих задач полностью верен сам себе, точнее, своим алгоритмам. Таким образом, если наступление правовых последствий действий юридического лица всегда имеет под собой основание в виде непосредственных действий определенного человека (или группы людей), то искусственный интеллект может совершить юридически значимое действие вопреки человеческой воле. К таким случаям относится, например, причинение роботом вреда другим людям в результате программного сбоя либо случайного стечения обстоятельств. Приведенное обстоятельство еще больше отдаляет искусственный интеллект от юридических лиц и обостряет необходимость в рассмотрении его как отдельного, самобытного феномена правовой жизни общества.

Наконец, существуют такие категории прав, которые, являясь производными от тех или иных прав физических лиц, широко применяются к юридическим лицам, но едва ли применимы к искусственному интеллекту. С.А. Симонян и А.С. Гамбарян со ссылкой на французских правоведов выделяют среди таких

прав право на репутацию, честь, корпоративное имя, уважение частной жизни и неприкосновенность корреспонденции. Более того, отмечается, что европейская судебная практика позволяет сделать вывод о признании за юридическим лицом прав, аналогичных праву на уважение жилища и праву на неприкосновенность частной жизни. Исследователи отмечают, что в контексте таких тенденций уподобление правового режима искусственного интеллекта статусу юридического лица может повлечь за собой вынужденную необходимость распространить те же права и на роботов, что в некоторых случаях совершенно противоречит логике [17].

Несмотря на обилие концептуальных подходов к возможному содержанию правового статуса искусственного интеллекта, большинство отечественных исследователей сходится на том, что в ближайшее время для признания роботов субъектами права нет никаких существенных оснований. Так, исследователи З.И. Хисамова и И.Р. Бегишев делают вывод, что в настоящий момент инициатива о правосубъектности искусственного интеллекта встречает слишком много препятствий и несоответствий. По их мнению, признание ИИ субъектом права «противоречит таким представлениям о субъекте права, как социально-правовая ценность, достоинство, автономная правовая воля, а также вступает в противоречие с составом правоотношения, составом правонарушения и ничтожна в рамках института представительства» [20]. Правоведы перечисляют лишь некоторые юридические проблемы, возникающие в процессе признания искусственного интеллекта участником правоотношений, но даже приведенный список красноречиво говорит о всей трудности решения этой задачи.

Отдельно следует отметить значимость вопроса об установлении юридической ответственности за действия искусственного интеллекта. С.С. Горохова, исследуя вопрос о необходимости признания правосубъектности ИИ, делает вывод о том, что признание искусственного интеллекта субъектом права повлечет за собой несение им бремени юридической ответственности, что, по ее мнению, «на современном этапе развития технологического уклада является преждевременным» [5]. Г.А. Гаджиев утверждает, что время признать ИИ субъектом правоотношений еще не наступило и настанет лишь после создания общего искусственного интеллекта – «робота-агента, выполняющего множество социальных ролей» [4]. Для многих сфер деятельности искусственного роботов и ИИ в настоящий момент не требуется фундаментальных изменений их правового режима.

Такой же подход сформировался и в современном международном праве. В.П. Талимончик отмечает, что на текущий момент международные организации обычно понимают искусственный интеллект исключительно как компьютерную систему или программу. Несмотря на то, что под эгидой ВОИС,

ЮНЕСКО и других организаций ведется активное изучение перспектив правового режима искусственного интеллекта, признание правосубъектности возможно только в отношении общего искусственного интеллекта [19].

И все же даже в условиях широкого скепсиса по отношению к правосубъектности искусственного интеллекта обсуждение этой проблемы продолжается и не теряет свою актуальность. Несмотря на отсутствие в настоящий момент острой необходимости наделять ИИ статусом субъекта права, потенциальный интерес к такой реформе по-прежнему продолжает нарастать [8]. Учитывая, что еще в 2000-х годах надделение роботов правами оставалось уделом футурологии и глубоко умозрительных теоретико-философских рассуждений, а сегодня эта проблема обсуждается уже в ближайшей перспективе, не исключено, что мнение юридического сообщества кардинально изменится уже в этом десятилетии. Важность сохранения и развития дискуссии по поводу возможных режимов правосубъектности искусственного интеллекта подчеркивается и в научной литературе [2]. Поэтому представляется возможным заключить, что споры вокруг вопроса о правовом статусе искусственного интеллекта в российской науке все еще далеки от завершения.

Библиографический список

1. Абрамова, Е.Н. Искусственный интеллект как субъект авторского права / Е.Н. Абрамова, Е.В. Старикова // Hypothesis. – 2020. – № 1(10). – С. 32-38.
2. Архипов, В.В. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности / В.В. Архипов, В.Б. Наумов // Закон. – 2017. – № 5. – С. 157-170.
3. Балюкова, И.Б. Эмоции у животных и людей: сходства и различия проявления функционального назначения / И.Б. Балюкова // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки. – 2016. – № 3. – С. 11-17.
4. Гаджиев, Г.А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) / Г.А. Гаджиев // Журнал российского права. – 2018. – № 1(253). – С. 15-30.
5. Горохова, С.С. К вопросу о необходимости института правосубъектности искусственного интеллекта на современном этапе развития правового государства / С.С. Горохова // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 3(61). – С. 23-33.

6. Горохова, С.С. О некоторых правовых подходах к определению правосубъектности искусственных интеллектуальных систем / С.С. Горохова // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 4-1(62). – С. 31-42.

7. Гринь, С.Н. Эмансипация роботов: элементы правосубъектности в конструкции искусственного интеллекта / С.Н. Гринь // Бизнес. Общество. Власть. – 2018. – № 1(27). – С. 233-242.

8. Дремлюга, Р.И. Искусственный интеллект – субъект права: аргументы за и против / Р.И. Дремлюга, О.А. Дремлюга // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 2. – С. 120-125.

9. Крашенинникова, Н.А. История государства и права зарубежных стран / Н.А. Крашенинникова, О.А. Жидкова. – М. : ИНФРА-М, 2021. – Т. 1. – 720 с.

10. Лаптев, В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу / В.А. Лаптев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 79-102.

11. Нечаев, С.Ю. Китайская комната Дж. Серля в контексте проблем философии искусственного интеллекта / С.Ю. Нечаев // Известия Саратовского университета. – 2010. – Т. 10. – № 4. – С.19-23.

12. Нечкин, А.В. Конституционно-правовой статус искусственного интеллекта в России: настоящее и будущее / А.В. Нечкин // Lex russica (Русский закон). – 2020. – № 8(165). – С. 78-85.

13. Никитенко, С.В. Трансформация субъекта права в связи с развитием искусственного интеллекта / С.В. Никитенко // Научно-практические исследования. – 2020. – № 5-2(28). – С. 164-169.

14. Оморов, Р.О. Проблемы правосубъектности искусственного интеллекта по отношению к интеллектуальной собственности / Р.О. Оморов // Известия Кыргызского государственного технического университета им. И. Раззакова. – 2021. – № 1(57). – С. 184-191.

15. Поляков, А.В. Общая теория права / А.В. Поляков, Е.В. Тимошина. – СПб., 2005. – 472 с.

16. Понкин, И.В. Искусственный интеллект с точки зрения права / И.В. Понкин, А.И. Редькина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 91-109.

17. Симонян, С.А. Необходимость и проблемы правосубъектности искусственного интеллекта / С.А. Симонян, А.С. Гамбарян // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 237-240.

18. Степанова А.В. Проблематика правосубъектности искусственного интеллекта / А.В. Степанова // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 3(61). – С. 62-67.

19. Талимончик, В. Является ли искусственный интеллект объектом международно-правовой охраны? / В. Талимончик // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2020. – № 12. – С. 17-24.

20. Хисамова, З.И., Сущность искусственного интеллекта и проблема определения правосубъектности / З.И. Хисамова, И.Р. Бегишев // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2020. – № 2. – С. 96-106.

21. Чигилейчик, А.В. Робототехника и системы искусственного интеллекта – субъекты или объекты гражданских прав? / А.В. Чигилейчик // Актуальные проблемы гражданского права. – 2020. – № 1(15). – С. 114-128.

22. Шестак, В.А. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России / В.А. Шестак, А.Г. Волеводз // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 2. – С. 197-206.

23. Ястребов, О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы / О.А. Ястребова // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Т. 13. – № 2. – С. 36-55.

24. Davis, J.P. Artificial Wisdom? A Potential Limit on AI in Law (and Elsewhere) // Oklahoma Law Review. 2019. № 1. V.72. P.51-89.

25. Dreyfus, H.L. Artificial Intelligence // 412 Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1974. P.21-33.